

ЭКЗАМЕНАЦИОННОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ не должно быть фетишем

Алексей Николаевич Романов,
заведующий кафедрой Уральского государственного
экономического университета, доцент,
кандидат юридических наук

Татьяна Владимировна Филипповская,
доцент кафедры Уральского государственного
экономического университета,
кандидат педагогических наук, г. Екатеринбург

Понятие «экзаменационное тестирование» сегодня уже не нуждается в разъяснениях: практически все общности, включённые в систему образования, в той или иной форме определили своё отношение к этому феномену. Дискуссионность его перманентного обсуждения задаётся оценкой различных организационных аспектов и социокультурных результатов, которые только на первый взгляд могут показаться частными. Мы имеем дело с проявлением процесса, связанного с фетишизацией технологий.

- интеллектуальная целиакия • Единый госэкзамен • интернет-тестирование
- отторжение знаний

Великий мим

Целиакия — это довольно распространённое заболевание: по оценке Всемирной ассоциации гастроэнтерологов, целиакией страдает около 1% населения Земли или 1 из 184 человек. Болезнь названа «великим мимом» — заболеванием, которое нелегко рас-

познать, так как борьба медиков идёт, в основном, с его последствиями. Целиакия «артистически маскируется» в проявлениях многих распространённых недугов, привычных для практикующих врачей. Если целиакию не лечить, человек может умереть от истощения, желудочно-кишечного кровотечения, онкологических осложнений. Без своевременной диагностики и правильной диеты люди «зарабатывают»

болезни, связанные с основным заболеванием, постепенно поражающие все органы и системы. Лечение простое: исключить из рациона больного целиакией продукты, содержащие глютен (пшеницу, рожь, ячмень, овёс): это быстро вводит организм в полную ремиссию и делает человека практически здоровым.

В практике образования есть интеллектуальный аналог «великого мима» — отторжение знаний как крайняя степень их неприятия. То, что этот процесс присущ повседневной практике, подтверждается и на глобальном, и на локальных уровнях — расширением форм функциональной неграмотности, «дебилизацией» и «отуплением» общества, о чём говорят и российские, и зарубежные социологи и педагоги.

Есть проявления интеллектуальной целиакии и в результатах экзаменационного тестирования. Так, мы все ежегодно становимся свидетелями эмоционально-чувственных описаний итогов ЕГЭ через впечатления его непосредственных и опосредованных участников. В то же время в связи с тем, что сегодня практически отсутствует конструктивная и действенная социологическая и психолого-педагогическая аналитика соответствующего опыта участников образовательного процесса, «за кадром» остаётся риск нагнетания социального напряжения через деструктивные аспекты экзаменационного тестирования в социуме в целом.

Пример — обсуждение в СМИ скандалов, связанных с нарушением процедуры ЕГЭ в 2011 году, которые стала достоянием не только профессионалов, но и общественности. Один из наиболее шокирующих фактов — выполнение экзаменационных работ студентами Московского физико-технического университета вместо выпускников московских школ. Приводилось предложение ректора Московского государственного университета технологий и управления о том, что если студентов МФТИ, которые выполняли за школьников задания ЕГЭ, исключат из числа учащихся, возглавляемый ею вуз «готов принять их у себя».

Безусловно, в обществе смещены нравственно-этические представления: фактически то, что совершили студенты, мошенничество,

и в этом случае позиция ректора университета аморальна. Но если состоялся интеллектуальный обмен «знания — деньги», а в обществе доминируют ценности не инструментальной сущности знания, а его символического отражения в бланках «государственного образца», то это всего лишь взаимовыгодная сделка. Тогда позиция ректора вуза рациональна и «рыночна»: университет получит образованных, динамичных, инициативных, активных, способных на риск будущих предпринимателей. Более того, позиция университетского топ-менеджера полностью коррелировала, например, с практикой победных рапортов о росте заработной платы педагогов.

Оплата труда

Истинная заработная плата — **размер ставки** учителя, преподавателя вуза, не принимается за базу сравнения с **заработками на ставку** в промышленности и сфере услуг. Зато в статистических реляциях фигурирует доход, основанный на системных переработках энтузиастов образования «сверх ставки». Напомним, что не меняющийся уже несколько лет оклад доцента — 6210 рублей плюс 40% за ставку доцента и 3 тысячи рублей за учёную степень и есть та база, о которой стыдно говорить, но она, безусловно, выше ничтожной ставки старших преподавателей и почти в четыре раза — ассистентов, которые должны изыскивать сторонние резервы ещё и для занятий научной деятельностью, чтобы «дорастить» через пять-шесть лет до ставки доцента.

Элементы подушевого финансирования в школах также весьма символичны. Если учитель в школах Екатеринбурга обучает 18 человек в классе, оплата его труда будет снижена, а вот если 30 — то стабилизируется на указанном законодателем нормативе наполняемости класса — 25 человек. Другие якобы стимулирующие доплаты к окладу

строятся аналогично. Сегодня учитель высшей категории, работающий в гимназии, получает за три часа в неделю обучения на дому ученицы 10-го класса русскому языку и литературе 68 руб. 74 коп. в месяц. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы с тестированием — только одно из проявлений интеллектуальной целиакии: нежелания видеть и называть реальные причины социокультурных болезней.

За рубежом тоже не ангелы

Скандалы с итоговым тестированием качества подготовки выпускников школ характерны не только для России. Так, в 44 школах Атланты в течение десяти лет учителя и директора подделывали результаты учебных тестов. В итоге создавалась видимость, что успеваемость отличная и образование качественное. В Атланте второгодников почти не было. Но дело не в высоком качестве образования в солнечной Джорджии. 178 учителей и директоров помогали ученикам сдавать выпускные тесты для перехода в следующий класс. Далее в публикации перечисляется, что «хорошие результаты стали для учителей намного важнее, чем качественное образование», а афера в Атланте — не первая в США, но считается самой крупной по сравнению с аналогичными событиями в Балтиморе, Хьюстоне и Детройте. Причина была усмотрена в американском законодательстве, по которому «чем выше успеваемость в школе, тем больше зарплата учителя. К тому же из-за кризиса сильно сократилось финансирование системы образования. Школы буквально бьются друг с другом за выживание»¹. Это связано с тем, что, «согласно федеральному законодательству, к 2014 году у учеников должна быть 100-процентная успеваемость по математике и чтению, иначе школу закроют».

¹ В США вскрыли грандиозную школьную аферу // Вести.RU. 2011. 8 июля. URL: <http://news.mail.ru/society/6301907/?frommail=1>

Здесь мы также встречаемся с «великим мимом». Получается, если законодатель издаст закон о том, что с момента публикации нормативного акта чёрных кошек следует считать серыми, мы будем вынуждены говорить о серых кошках, скрывая своё знание об их истинном цвете. Есть ещё один вариант — начать процесс истребления всех чёрных кошек, чтобы они не мешали демонстрировать легитимность наших поведенческих практик. Есть и третий выход: требовать от законодателя внести коррективы в «кошачий» закон. Но захочет ли законодатель услышать это требование и, следовательно, признать и изменить свои ложные представления?

Посмотреть правде в глаза

Ответ лежит на поверхности. Он выражается даже в такой, казалось бы, мелочи, как констатация так называемой «демографической ямы», с последствиями которой, судя по разным прогнозам учёных, мы будем бороться до 2016 или 2020 гг. Однако в поле нашего зрения не попали результаты исследования взаимозависимости демографических и менеджерских «провалов». Стоит вспомнить массовый перевод учащихся начальной школы с трёхлетнего на четырёхлетнее обучение. Этот, по своей сути, позитивный процесс оказался организационно самоубийственным: из учебной сети практически одновременно по всей стране исключались целые параллели пятиклассников.

Судя по остроте и продолжительности дискуссий о качестве учебников, информационном насилии и многих других проблемных аспектах системы образования на сайте «Pedsovet.org», саморефлексия законодателя маловероятна. Мы видим «точечные броски», направленные на «лечение» следствий, но не причин интеллектуальной целиакии, которая приобретает новые качественные характеристики в поведенческих установках учеников.

В авторских интервью с преподавателями вузов Екатеринбурга в ноябре 2011 г. прозвучало утверждение, которое можно рассматривать как своеобразный диагноз последствий представленного нами феномена: «Пришли первокурсники, массово отказывающиеся и не умеющие формулировать ответ на поставленный вопрос. Они требуют от преподавателя дать им, как минимум, два возможных варианта ответов для выбора».

Как видим, речь идёт о результатах образовательной политики, основанной на знаниях, имеющих весьма условное отношение к креативным процессам. Процедура организации и инструментарий экзаменационного тестирования доказывают, что на уровне высшего руководства системы образования ценность знания прагматизирована и низведена до символической игры, подменяя смысл знания на информированность и фетишизацию технологий её формального подтверждения.

Ежегодно мы сталкиваемся с двукратным (декабрь — май) ажиотажем вокруг так называемого «министерского интернет-тестирования». На уровне руководящих структур определяется рейтинг вузов по уровню качества образовательного процесса. Мониторинг качества сам по себе — явление положительное, однако подмена смыслов в его практической реализации связана с тем, что качество подготовки определяется по «непрофильным» дисциплинам. Так, студенты — будущие юристы могут проходить интернет-тестирование по экономической теории и математике и информатике; студенты — будущие экономисты-международники и математики-информатики — по правоведению. Используются и другие варианты для этих трёх направлений подготовки — по философии, политологии, социологии, педагогике и психологии. В итоге сторонний наблюдатель может увидеть необъективные показатели профессиональной деятельности, и никто ему не разъяснит, что юридический или технический вуз, который он, к примеру, хотел бы выбрать для перспективного обучения, недостаточно качественно готовит не по праву или инженерному делу, а по экономической теории и философии.

Надо ли проверять качество подготовки будущих специалистов, бакалавров и магистров по дисциплинам федерального компонента государственного стандарта? Вероятно, надо. Тогда при подведении итогов оценки качества образования следует указывать на то, что прекрасных юристов, педагогов, инженеров и строителей готовит такой-то вуз, но за счёт того, что их знания по социологии и философии, экономической теории несколько поверхностны и отличаются от глубины знаний будущих профессиональных экономистов-теоретиков, социологов и философов.

Все трактовки базовых понятий должны быть доведены до сведения и студента, и преподавателя в едином информационно-справочном материале, доступном вниманию перспективных участников тестирования, как минимум, за месяц до начала учебного года. Каждое понятие должно быть лаконичным, однозначно воспринимаемым содержательно и исключающим личностные пристрастия исследователей и авторов тестов. В связи с динамикой научного знания подобные материалы должны обновляться ежегодно.

Более жёсткая психолого-педагогическая экспертиза должна предшествовать подготовке материалов для экзаменационного тестирования школьников. В её основе должно быть количество учебных часов, отведённых на изучение дисциплин (предметов), а также анализ психологических возможностей освоения включаемых в тесты понятий, формул и законов, дат, правил, имён и событий. «Фаршированного знаниями» ученика у нас не получилось: пока мы имеем тяжёлые последствия процесса, названного нами интеллектуальной целиакией. Пора не только признать ошибки, но и начать системные изменения в собственно организации экзаменационного тестирования, исключив фетишизацию его применения. **НО**